

Генри Райдер
ХАГГАРД

**КОПИ
ЦАРЯ
СОЛОМОНА**

Аннотация

Генри Райдер Хаггард по праву считается одним из основоположников жанра фэнтези. Его увлечение таинственными мирами, архаическими верованиями и затерянными цивилизациями стало основой его творчества и принесло ему мировую славу.

Книга «Копи царя Соломона» — настоящая находка для тех, кого захватывают приключения, опасные путешествия и поиски сокровищ. Всем знакомый искатель приключений охотник Аллан Квотермейн и его спутники отправляются на поиски драгоценных алмазных копий библейского царя Соломона. Они преследуют разные цели, но вместе им предстоит преодолеть множество опасных испытаний: победить стихию, выстоять перед дикими зверями и аборигенами, стать настоящей командой.

Эта книга — классика приключенческой литературы, которая благодаря своей динамичности, напряженности сюжета и живописности неоднократно экранизировалась.

Генри Райдер Хаггард

Копи царя Соломона

Эту необычайную, но правдивую историю, рассказанную Алланом Квотермейном, он с чувством глубокой симпатии посвящает всем прочитавшим ее мальчикам — большим и маленьким.

Предисловие

Теперь, когда эта книга напечатана и скоро разойдется по свету, я ясно вижу ее недостатки как по стилю, так и по содержанию. Касаясь последнего, я только могу сказать, что она не претендует быть исчерпывающим отчетом обо всем, что мы видели и сделали. Мне очень хотелось бы подробнее остановиться на многом, связанном с нашим путешествием в Страну Кукуанов, о чем я лишь мельком упоминаю, как, например: рассказать о собранных мною легендах, о кольчугах, которые спасли нас от смерти в великой битве при Луу, а также о Молчаливых, или Колоссах, у входа в сталактитовую пещеру. Если бы я дал волю своим желаниям, я бы рассказал подробнее о различиях, существующих между зулусским и кукуанским диалектами, над которыми можно серьезно призадуматься, и посвятил бы несколько страниц флоре и фауне этой удивительной страны¹. Есть еще одна чрезвычайно интересная тема, которая была мало затронута в книге. Я имею в виду великолепную организацию военных сил этой страны, которая, по моему мнению, значительно превосходит систему, установленную королем Чакой² в Стране Зулусов. Она обеспечивает более быструю мобилизацию войск и не вызывает необходимости применять пагубную систему насильственного безбрачия³. И, наконец, я лишь вскользь упомянул о семейных обычаях кукуанов, многие из которых чрезвычайно любопытны, а также об их искусстве плавки и сварки металлов. Это искусство они довели до совершенства, прекрасным примером которого служат их толлы — тяжелые металлические ножи, к которым с удивительным искусством приварены лезвия из великолепной стали.

Посоветовавшись с сэром Генри Куртисом и капитаном Гудом, я решил рассказать простым, безыскусственным языком только наши приключения, а обо всем прочем поговорить как-нибудь в другой раз, если, конечно, это явится желательным. Я с величайшим удовольствием поделюсь сведениями, которыми располагаю, со всеми, кто этим заинтересуется.

Теперь осталось лишь попросить читателя извинить меня за мой неотесанный стиль. В свое оправдание могу лишь сказать, что я больше привык обращаться с ружьем, чем с пером, и потому не могу претендовать на великолепные литературные взлеты и пышность стиля, встречающиеся в романах, которые я иногда люблю почитать.

Вероятно, эти взлеты и пышность стиля желательны, но, к сожалению, я совсем не умею ими пользоваться.

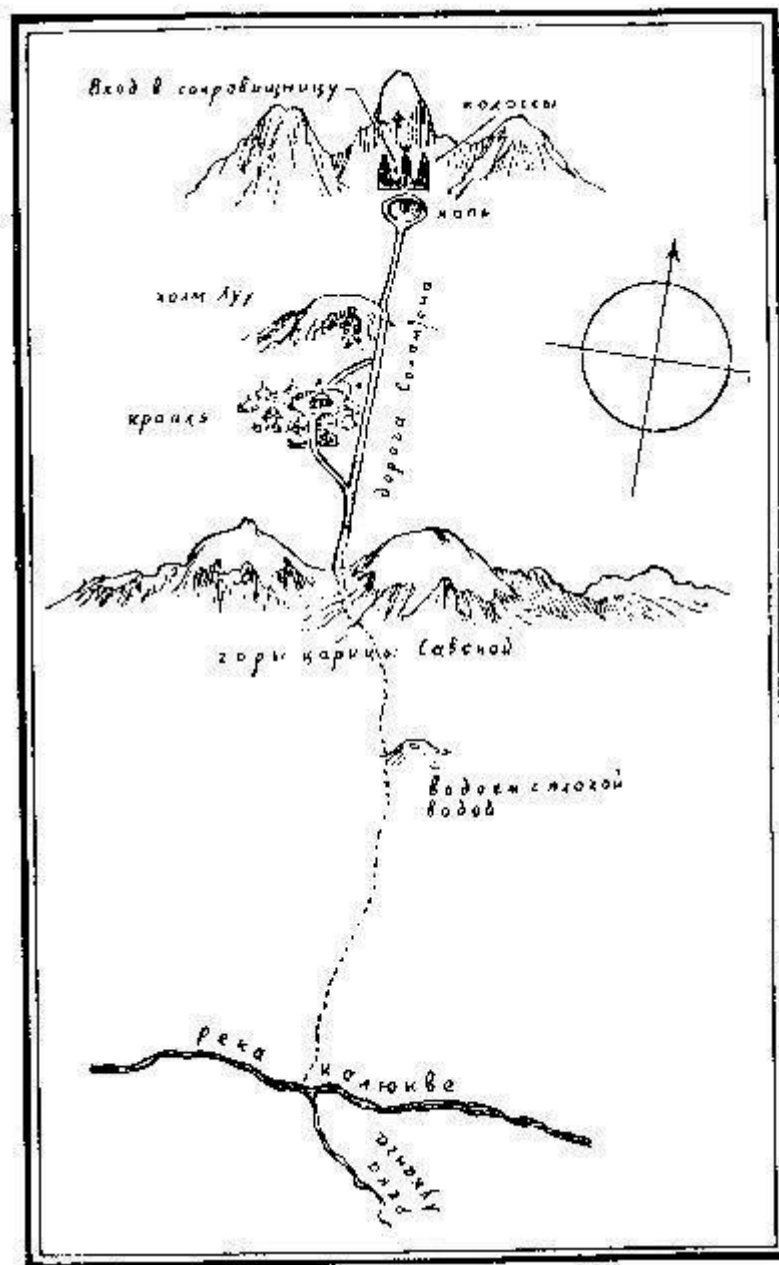
На мой взгляд, книги, написанные простым и доходчивым языком, производят самое сильное впечатление и их легче понять. Впрочем, мне не совсем удобно высказывать свое мнение по этому поводу. «Острое копьё, — гласит кукуанская пословица, — не нужно точить». На этом основании я осмеливаюсь надеяться, что правдивый рассказ, каким бы странным он ни был, не нужно приукрашивать высокопарными словами.

Аллан Квотермейн

¹ Я обнаружил восемь пород антилоп, которых мне никогда не приходилось встречать, и много разновидностей растений, главным образом из семейства луковичных. — А. К.

² Чака — король зулусов, живший в начале XIX века

³ Король Чака запретил своим воинам вступать в брак, только ветераны могли брать себе жен, и притом столько, сколько каждый из них убил врагов в битвах

Глава I Я встречаюсь с сэром Генри Куртисом

Может показаться странным, что, дожив до пятидесяти пяти лет, я впервые берусь за перо. Не знаю, что получится из моего рассказа и хватит ли вообще у меня терпения довести его до конца.

Оглядываясь на прожитую жизнь, я удивляюсь, как много я успел сделать и как много мне пришлось пережить. Наверно, и жизнь мне кажется такой длинной оттого, что слишком рано я был предоставлен самому себе. В том возрасте, когда мальчики еще учатся в школе, я уже вынужден был работать, торгуя всякой мелочью в старой колонии⁴. Чем только я не занимался с тех пор! Мне пришлось и торговать, и охотиться, и работать в копах, и даже воевать. И только восемь месяцев назад я стал богатым человеком. Теперь я обладаю огромным состоянием — я еще сам не знаю, насколько оно велико, — но не думаю, что ради этого я согласился бы вновь пережить последние пятнадцать или шестнадцать месяцев, даже если бы заранее знал, что все закончится благополучно и я так разбогатею. Я скромный человек, не люблю крови и насилия, и, откровенно говоря, мне изрядно надоели приключения. Не знаю, зачем я собираюсь писать эту книгу: это ведь совсем не по моей части. Да и образованным человеком я себя не считаю, хоть и очень люблю читать Ветхий завет⁵ и легенды Инголдзби⁶.

⁴ Имеется в виду Капская колония

⁵ Ветхий завет — большая часть библии, «священной книги» христиан и иудеев

⁶ Легенды Инголдзби — сборник баллад, написанных английским писателем Баргэмом (1788–1845) под псевдонимом Томаса

Все же попробую изложить причины, побудившие меня написать эту книгу.

Во-первых, меня просили об этом сэр Генри Куртис и капитан Гуд.

Во-вторых, я сейчас нахожусь у себя в Дурбане, и делать мне все равно нечего, так как боль в левой ноге снова приковала меня к постели. Я страдаю от этих болей с тех самых пор, как в меня вцепился этот проклятый лев; сейчас боли усилились, и я хромаю больше, чем обычно. Вероятно, в львиных зубах есть какой-то яд, иначе почему же совсем зажившие раны снова открываются, причем — заметьте! — ежегодно и в то же самое время.

На своем веку я застрелил шестьдесят пять львов, оставшись живым и невредимым, и не обидно ли, что какой-то шестьдесят шестой изжевал мою ногу, как кусок табака! Это нарушает естественный ход вещей, а я, помимо всех прочих соображений, люблю порядок, и мне это очень не нравится.

Кроме того, я хочу, чтобы мой сын Гарри, который сейчас работает в лондонской больнице, готовясь стать врачом, читая этот рассказ, отвлекся хотя бы на некоторое время от своих сумасбродств. Работа в больнице, вероятно, иногда надоедает и начинает казаться довольно скучной — ведь можно пресытиться даже вскрытием трупов. Во всяком случае, рассказ мой Гарри скучным не покажется и хоть на денек, другой внесет немного разнообразия в его жизнь, тем более что я собираюсь рассказать самую удивительную историю, которая когда-либо случалась с человеком. Это может показаться странным, так как в ней нет ни одной женщины, за исключением Фулаты. Впрочем, нет! Есть еще Гагула, хотя я не знаю, была она женщина или дьявол. Но нужно сказать, что ей было по крайней мере сто лет, и поэтому как женщина особого интереса она не представляла, так что в счет идти не может. Во всяком случае, могу с уверенностью сказать, что во всей этой истории нет ни одной юбки.

Но не пора ли мне впрягаться в ярмо? Почва тут трудная, и мне кажется, будто я увяз в трясине по самую ось. Однако волы справятся с этим без особого труда. Сильная упряжка всегда в конце концов вытянет, со слабыми же волами, конечно, ничего не поделаешь. Итак, начинаю!

«Я, Аллан Квотермейн из Дурбана, в Натале⁷, джентльмен, приношу присягу и заявляю...» — так начал я свои показания на суде относительно печальной кончины Хивы и Вентфогеля, но, пожалуй, для книги это не совсем подходящее начало. И вообще, могу ли я назвать себя джентльменом? Что такое джентльмен? Мне это не совсем ясно. В своей жизни я имел дело не с одним ниггером⁸... Нет, я зачеркну это слово, оно мне совсем не по душе! Я знал туземцев, которые были джентльменами, с чем ты согласишься, Гарри, мой мальчик, прежде чем прочтешь эту книгу до конца. Знал я также очень скверных и подлых белых, которые, однако, джентльменами не были, хоть денег у них было очень много. Во всяком случае, я родился джентльменом, хоть и был в течение всей жизни всего-навсего бедным странствующим торговцем и охотником. Остался ли я джентльменом, не знаю — судите об этом сами. Богу известно, что я старался им остаться!

На своем веку мне пришлось убить много людей, однако я никогда не запятнал свои руки невинной кровью и убивал, только защищаясь. Всевышний даровал нам жизнь, и я полагаю, что он имел в виду, что мы будем ее защищать; по крайней мере, я всегда действовал на основании этого убеждения. И я надеюсь, что, когда пробьет мой смертный час, это мне простится. Увы! В мире много жестокости и безнравственности! И вот такому скромному человеку, как я, пришлось принимать участие во многих кровавых делах. Не знаю, правильно ли я сужу об этом, но я никогда не воровал, хотя однажды обманом выманил у одного кафра⁹ стадо скота. И несмотря на то что он тоже подложил мне свинью, я до сих пор чувствую угрызения совести.

Итак, с тех пор как я впервые встретил сэра Генри Куртиса и капитана Гуда, прошло примерно восемнадцать месяцев. Произошло же это следующим образом. Во время охоты на слонов за Бамангвато¹⁰ мне с самого начала не повезло, и в довершение всего я схватил сильную лихорадку. Немного окрепнув, я добрался до Алмазных россыпей, продал всю слоновую кость вместе с фургоном и волами, рассчитался с охотниками и сел в почтовую карету, направляющуюся в Кап¹¹. В Кейптауне я прожил неделю в гостинице,

Инголдзби

⁷ Наталь — провинция в Южно-Африканском Союзе

⁸ Ниггер — презрительная кличка негра, используемая расистами

⁹ Кафры — устаревшее наименование юго-восточных африканских народов

¹⁰ Бамангвато — название поселка в Земле Бечуанов

¹¹ Кап — сокращенное название Кейптауна

где, кстати сказать, меня здорово обсчитали, и осмотрел все его достопримечательности. Видел я и ботанические сады, которые, по моему мнению, приносят стране огромную пользу, и здание парламента, который, полагаю, никакой пользы не приносит. В Наталь я решил вернуться па пароходе «Данкелд». Он в это время стоял в доке в ожидании «Эдинбург Кастла», который должен был прибыть из Англии. Я оплатил проезд, сел на пароход, и в тот же день пассажиры, направляющиеся в Наталь, пересели с «Эдинбург Кастла» на «Данкелд». Мы снялись с якоря и вышли в море.

Среди новых пассажиров на борту нашего парохода два человека сразу же привлекли мое внимание. Один из них был джентльмен лет тридцати. Я никогда не встречал человека такого богатырского сложения. У него были соломенного цвета волосы, густая борода, правильные черты лица и большие, глубоко сидящие серые глаза. В своей жизни я не видел более красивого человека, и он чем-то напоминал мне древнего датчанина. Это, конечно, не значит, что я много знаю о древних датчанах; я знал только одного современного датчанина, который, кстати сказать, выставил меня на десять фунтов. Я вспомнил, что однажды где-то видел картину, изображающую несколько таких господ, которые, мне кажется, очень похожи на белых зулусов. У них в руках были кубки из рога, и длинные волосы ниспадали им на спину. Смотря на этого человека, стоявшего у трапа, я подумал, что если бы он немного отрастил себе волосы, надел стальную кольчугу на свою могучую грудь, взял бы боевой топор и кубок из рога, то вполне смог бы позировать для этой картины. И, между прочим, странная вещь (как сказывается происхождение!): позже я узнал, что в жилах сэра Генри Куртиса — так звали этого высокого джентльмена — текла датская кровь¹². Он очень напоминал мне еще кого-то, но кого — я не мог вспомнить.

Другой человек, который стоял, разговаривая с сэром Генри, был совсем другого типа. Я сейчас же подумал, что он морской офицер. Не знаю почему, но морского офицера сразу видно. Мне приходилось с ними ездить на охоту, и должен сказать, что они всегда оказывались необыкновенно храбрыми и симпатичными людьми, каких редко можно встретить. Одно в них плохо: уж очень они любят ругаться.

Несколько раньше я задал вопрос: что такое джентльмен? Теперь я на него отвечаю: это офицер Британского Королевского флота, хотя, конечно, и среди них иногда встречаются исключения. Я думаю, что широкие морские просторы и свежие ветры, несущие дыхание господ бога, омывают их сердца и выдувают скверну из сознания, делая их настоящими людьми. Но вернемся к рассказу. Я опять оказался прав. Действительно, этот человек был морским офицером. Безупречно прослужив во флоте ее величества семнадцать лет, неожиданно вопреки его желанию он был зачислен в резерв с чином капитана. Вот что ожидает людей, которые служат королеве. В полном расцвете сил и способностей, когда они приобретают большой опыт и знания, их выбрасывают в холодный, неприветливый мир без средств к существованию. Возможно, что они примиряются с этим; что же касается меня, я все же предпочитаю зарабатывать на хлеб охотой. Денег у тебя будет так же мало, но пинков ты получишь меньше! Его фамилия — я нашел ее в списке пассажиров — была Гуд, капитан Джон Гуд. Это был коренастый человек лет тридцати, среднего роста, темноволосый, плотный, довольно оригинальный с виду. Он был чрезвычайно опрятно одет, тщательно выбрит и всегда носил в правом глазу монокль. Казалось, что этот монокль врос ему в глаз, так как носил он его без шнура и вынимал, только чтобы протереть. По простоте души я думал, что он и спит с ним, но потом узнал, что ошибался. Когда он ложился спать, то клал монокль в карман брюк вместе с вставными зубами, которых у него было два прекрасных комплекта, что часто заставляло меня нарушать десятую заповедь¹³, так как своими я похвастаться не могу. Но я забегая вперед.

Вскоре после того, как мы снялись с якоря, наступил вечер, и погода неожиданно испортилась. Пронизывающий ветер подул с суши, спустился густой туман с изморосью, и все пассажиры вынуждены были покинуть палубу. Наше плоскодонное судно было недостаточно нагружено, и потому его сильно качало — иногда казалось, что мы вот-вот перевернемся. Но, к счастью, этого не случилось. Находиться на палубе было невозможно, и я стоял около машинного отделения, где было очень тепло, и развлекался тем, что смотрел на кренометр. Стрелка его медленно раскачивалась взад и вперед, отмечая угол наклона парохода при каждом крене.

— Ну и кренометр! Он же не выверен! — послышался рядом со мной чей-то раздраженный голос.

Оглянувшись, я увидел того морского офицера, на которого уже раньше обратил внимание.

— Разве? Почему вы так думаете?

— Думаю? Тут и думать нечего! Как же, — продолжал он, когда наш пароход снова восстановил равновесие после очередного крена, — если бы судно действительно накренилось до того градуса, который

¹² Представление мистера Квотермейна о древних датчанах кажется несколько туманным. Насколько нам известно, у датчан были темные волосы. Может быть, он имел в виду саксов. — Примеч. англ. издателя

¹³ Десятая заповедь предостерегает людей от зависти

показывает эта штука, — тут он указал на кренометр, — мы бы перевернулись. Но что еще можно ожидать от капитанов торгового флота! Они чертовски небрежны.

Как раз в этот момент прозвучал обеденный гонг, чему я очень обрадовался, потому что если офицер Британского флота начинает ругать капитанов торгового флота, то слушать его невыносимо. Хуже этого только одно — слушать, как капитан торгового флота выражает свое откровенное мнение об офицерах Британского флота.

Мы с капитаном Гудом спустились в кают-компанию и там застали сэра Генри Куртиса уже за столом. Капитан Гуд сел с ним рядом, я же занял место напротив. Мы с капитаном разговорились об охоте. Он задавал мне много вопросов, и я старался давать наиболее исчерпывающие ответы. Вскоре разговор перешел на слонов.

— Ну, сэр, — сказал кто-то из сидевших недалеко от меня, — вам повезло: если кто-нибудь может толком рассказать вам о слонах, то это только охотник Квотермейн.

Сэр Генри, который все время молча прислушивался к нашему разговору, при последних словах заметно вздрогнул.

— Простите меня, сэр, — тихо сказал он низким басом, именно таким, какой должен был исходить из таких могучих легких, — простите меня, сэр, вы не Аллан Квотермейн?

Я ответил утвердительно.

Сэр Генри больше ко мне не обращался, но я слышал, как он тихо произнес про себя: «Какая удача!»

После обеда, когда мы выходили из кают-компании, сэр Генри предложил мне зайти к нему выкурить трубку. Я принял приглашение, и мы с капитаном Гудом пошли в его каюту, которая выходила на палубу. Это была прекрасная просторная каюта, когда-то состоявшая из двух. Когда кто-то из наших важных франтов совершал поездку на «Данкелде» вдоль побережья, перегородку сняли, а на прежнее место так и не поставили. В каюте был диван, перед которым стоял маленький стол. Сэр Генри послал стюарда за бутылкой виски, мы втроем сели и закурили трубки.

— Мистер Квотермейн, — обратился ко мне сэр Генри, когда стюард принес виски и зажег лампу, — в позапрошлом году, примерно в это время, вы, кажется, были в поселке, который называется Бамангвато, к северу от Трансвааля?

— Да, был, — отвечал я, несколько удивленный, что этот незнакомый джентльмен так хорошо осведомлен о моих странствиях, которые, как я полагал, особого интереса представлять не могли.

— Вы там торговали? — с живостью спросил меня Гуд.

— Да, я взял туда фургон с товаром, остановился у поселка и пробыл там, пока все не распродал.

Сэр Генри сидел против меня в плетеном кресле, облокотившись на стол. Он смотрел мне прямо в лицо своими пронизательными серыми глазами, и казалось, что его взгляд выражает какое-то странное волнение.

— Вы случайно не встречали там человека, по фамилии Невилль?

— Ну как же, конечно встречал! Он распряг свою упряжку рядом с моим фургоном и прожил там две недели, чтобы дать возможность отдохнуть волам, перед тем как отправиться в глубь страны. Несколько месяцев назад я получил письмо от какого-то стряпчего, который просил меня сообщить, не знаю ли я, что случилось с Невиллем. Я сразу же написал ему все, что знал.

— Да, — сказал сэр Генри, — он переслал мне ваше письмо. В нем вы сообщили, что джентльмен, по фамилии Невилль, уехал из Бамангвато в начале мая в фургоном с погонщиком, проводником и охотником-кафром, по имени Джим. Он говорил, что намеревается добраться, если будет возможно, до Айнайты, конечного торгового пункта Земли Матабеле. Там он предполагал продать свой фургон и отправиться дальше пешком. Вы также сообщили, что он действительно продал свой фургон, потому что шесть месяцев спустя вы видели его у какого-то португальского торговца. Этот человек рассказал вам, что он купил его в Айнайты у белого, имени которого он не помнит, и нужно полагать, что белый со слугой-туземцем отправился в глубь страны на охоту.

— Совершенно верно, — подтвердил я. Наступило молчание.

— Мистер Квотермейн, — неожиданно сказал сэр Генри. — я думаю, что вы ничего не знаете и не догадываетесь о том, каковы были причины, заставившие моего... мистера Невилля предпринять путешествие на север?

— Кое-что я об этом слышал, — ответил я и замолчал. Мне не хотелось говорить на эту тему.

Сэр Генри и Гуд переглянулись, и капитан многозначительно кивнул головой.

— Мистер Квотермейн, — сказал сэр Генри, — я хочу рассказать вам одну историю и попросить вашего совета, а возможно, и помощи. Мой поверенный передал мне ваше письмо и сказал, что я могу вполне на вас положиться. По его словам, вас хорошо знают в Натале, где вы пользуетесь всеобщим уважением. Кроме того, он сказал, что вы принадлежите к людям, которые умеют хранить тайны.

Я поклонился и отпил немного разбавленного виски, чтобы скрыть свое смущение, так как я скромный человек. Сэр Генри продолжал:

— Мистер Квотермейн, я должен сказать вам правду: мистер Невилль — мой брат.

— О! — промолвил я вздрогнув.

Теперь стало ясно, кого напоминал мне сэр Генри Куртис, когда я его впервые увидел. Мистер Невилль был гораздо меньше ростом, с темной бородой, но глаза у него были такие же пронизательные и такого же самого серого оттенка, как и у сэра Генри. В чертах лица также было некоторое сходство.

— Мистер Невилль — мой младший и единственный брат, — продолжал сэр Генри, — и мы впервые расстались с ним пять лет назад. До этого времени я не помню, чтобы мы разлучались даже на месяц. Но около пяти лет назад нас постигло несчастье: мы с братом поссорились не на жизнь, а на смерть (это иногда случается даже между очень близкими людьми), и я поступил с ним несправедливо.

Тут капитан Гуд, как бы в подтверждение этих слов, энергично закивал головой. В это время наш пароход сильно накренился, и изображение капитана Гуда, отчаянно кивающего головой, отразилось в зеркале, которое в этот момент оказалось над моей головой.

— Как вам, я полагаю, известно, — продолжал сэр Генри, — если человек умирает, не оставив завещания, и не имеет иной собственности, кроме земельной, называемой в Англии недвижимым имуществом, все переходит к его старшему сыну. Случилось так, что как раз в это время, когда мы поссорились, умер наш отец, не оставив завещания. В результате брат остался без гроша, не имея при этом никакой профессии. Конечно, мой долг заключался в том, чтобы обеспечить его, но в то время наши отношения настолько обострились, что, к моему стыду (тут он глубоко вздохнул), я ничего для него не сделал. Не то чтобы я хотел несправедливо поступить с ним, нет, — я ждал, чтобы он сделал первый шаг к примирению, а он на это не пошел. Простите, что я утруждаю ваше внимание всеми этими подробностями, но для вас все должно быть ясно. Правда, Гуд?

— Само собой разумеется, — ответил капитан. — Я уверен, что мистер Квотермейн никого в это дело не посвятит.

— Конечно, — сказал я, — вы можете быть уверены.

Надо сказать, что я очень горжусь тем, что умею хранить тайны.

— Итак, — снова продолжал сэр Генри, — в это время у моего брата было на текущем счету несколько сот фунтов стерлингов. Ничего мне не говоря, он взял эту ничтожную сумму и под вымышленным именем Невилля отправился в Южную Африку с безумной мечтой нажить себе состояние. Это стало известно мне уже позже. Прошло около трех лет. Я не имел никаких сведений о брате, хотя писал ему несколько раз. Конечно, письма до него не доходили. С течением времени я все более и более о нем беспокоился. Я понял, мистер Квотермейн, что такое родная кровь.

— Это верно, — промолвил я и подумал о своем Гарри.

— Я отдал бы половину своего состояния, чтобы только узнать, что мой брат Джордж жив и здоров и я его снова увижу!

— Но на это надежды мало, Куртис, — отрывисто сказал капитан Гуд, взглянув на сэра Генри.

— И вот, мистер Квотермейн, чем дальше, тем больше я тревожился, жив ли мой брат, и если он жив, то как вернуть его домой. Я принял все меры, чтобы его разыскать, в результате чего получил ваше письмо. Полученные известия были утешительны, поскольку они указывали, что до недавнего времени Джордж был жив, но дальнейших сведений о нем до сих пор нет. Короче говоря, я решил приехать сюда и искать его сам, а капитан Гуд любезно согласился меня сопровождать.

— Видите ли, — сказал капитан, — мне все равно делать нечего. Лорды Адмиралтейства выгнали меня из флота умирать с голоду на половинном окладе. А теперь, сэр, вы, может быть, расскажете нам все, что знаете или слышали о джентльмене по фамилии Невилль.

Глава II

Легенда о копиях царя Соломона

Я медлил с ответом, набивая табаком свою трубку.

— Так что же вы слышали относительно дальнейшего путешествия моего брата? — спросил в свою очередь сэр Генри.

— Вот что мне известно, — отвечал я, — и до сегодняшнего дня ни одна живая душа от меня об этом не слышала. Я узнал тогда, что он отправляется в копи царя Соломона¹⁴.

— Копи царя Соломона! — воскликнули вместе оба мои слушателя. — Где же они находятся?

— Не знаю, — сказал я. — Мне только приходилось слышать, что говорят об этом люди. Правда, я как-то видел вершины гор, по другую сторону которых находятся Соломоновы копи, но между мною и этими

¹⁴ Соломон (1020—980 до н. э.) — царь израильского народа.

горами простиралось сто тридцать миль пустыни, и, насколько мне известно, никому из белых людей, за исключением одного, не удалось когда-либо пересечь эту пустыню. Но, может быть, мне лучше рассказать вам легенду о копиях Соломона, которую я слышал? А вы дадите мне слово не разглашать без моего разрешения ничего из того, что я вам расскажу. Вы согласны? У меня есть серьезные основания просить вас об этом.

Сэр Генри утвердительно кивнул головой, а капитан Гуд ответил:

— Конечно, конечно!

— Итак, — начал я, — вам, вероятно, известно, что охотники на слонов — грубые, неотесанные люди и их мало что интересует, кроме обычных житейских дел да кафрских обычаев. Правда, время от времени среди них можно встретить человека, который увлекается собиранием преданий среди туземцев, пытаясь восстановить хоть малую часть истории этой таинственной страны. Как раз от такого человека я впервые услышал легенду о Соломоновых копиях. Было это почти тридцать лет назад, во время моей первой охоты на слонов в Земле Матабеле. Звали этого человека Иванс. На следующий год бедняга погиб — его убил раненый буйвол. Его похоронили около водопадов Замбези. Однажды ночью, помню, я рассказал Ивансу об удивительных разработках, на которые натолкнулся, охотясь на антилоп куду¹⁵ и канну¹⁶ в той местности, которая теперь называется Лиденбургским районом Трансвааля. Я слышал, что недавно золотопромышленники снова нашли этот прииск, но я-то знал о нем много лет назад. Там в сплошной скале проложена широкая проезжая дорога, ведущая к входу в прииск или галерею. Внутри, в этой галерее, лежат груды золотоносного кварца, приготовленного для дробления. Это указывает на то, что рабочим, кем бы они ни были, пришлось поспешно покинуть прииск. На расстоянии шагов двадцати вглубь там есть поперечная галерея, с большим искусством облицованная камнем.

«Ну! — сказал Иванс. — А я расскажу тебе нечто еще более удивительное!»

И он начал мне рассказывать о том, как далеко, во внутренних областях страны, он случайно набрел на развалины города. По его мнению, это был Офир, упоминаемый в библии. Между прочим, другие, более ученые люди подтвердили мнение Иванса спустя много лет после того, как бедняга уже погиб. Помню, я слушал как зачарованный рассказ обо всех этих чудесах, потому что в то время я был молод и этот рассказ о древней цивилизации и о сокровищах, которые выкачивали оттуда старые иудейские и финикийские авантюристы, когда страна давно уже вновь впала в состояние самого дикого варварства, подействовал на мое воображение. Внезапно Иванс спросил меня:

«Слышал ли ты когда-нибудь, дружище, о Сулеймановых горах, которые находятся к северо-западу от земли Машукулумбве?¹⁷»

Я ответил, что ничего не слышал.

«Так вот, — сказал он, — именно там находились копи, принадлежавшие парю Соломону, — я говорю о его алмазных копиях!»

«Откуда ты это знаешь?» — спросил я.

«Откуда знаю? Как же! Ведь что такое «Сулейман», как не испорченное слово «Соломон»?¹⁸ И, кроме того, одна старая изанузи¹⁹ в Земле Маника мне много об этом рассказывала. Она говорила, что народ, живший за этими горами, представлял собою ветвь племени зулусов²⁰ и говорил на зулусском наречии, но эти люди были красивее и выше ростом, чем зулусы. Среди них жили великие волшебники, которые научились своему искусству у белых людей тогда, когда «весь мир был еще темен», и им была известна тайна чудесной копии, где находились «сверкающие камни».

Ну, в то время эта история показалась мне смешной, хоть она и заинтересовала меня, так как алмазные россыпи тогда еще не были открыты. А бедный Иванс вскоре уехал и погиб, и целых двадцать лет я совершенно не вспоминал его рассказа. Но как раз двадцать лет спустя — а это долгий срок, господа, так как охота на слонов опасное ремесло и редко кому удается прожить столько времени, — так вот, двадцать лет

¹⁵ Куду — винторогая антилопа

¹⁶ Канну — южноафриканская, или лосиная, антилопа

¹⁷ Машукулумбве — область, находящаяся в Южной Африке

¹⁸ Сулейман — по-арабски «Соломон»

¹⁹ Изанузи — знахарка

²⁰ Зулусы — негритянское племя в юго-восточной Африке, достигшее большого могущества в начале XIX века

спустя я услышал нечто более определенное о горах Сулеймана и о стране, которая лежит по ту сторону гор. Я находился в поселке, называемом крааль²¹ Ситанди, за пределами Земли Маника. Скверное это место: есть там нечего, а дичи почти никакой. У меня был приступ лихорадки, и чувствовал я себя очень плохо. Однажды туда прибыл португалец, которого сопровождал только слуга-метис.

Надо сказать, что я хорошо знаю португальцев из Делагоа²², — нет на земле худших дьяволов, жиреющих на крови и страданиях своих рабов.

Но этот человек резко отличался от тех, с которыми я привык встречаться. Он больше напоминал мне вежливых испанцев, о которых мне приходилось читать в книгах. Это был высокий, худой человек с темными глазами и вьющимися седыми усами. Мы немного побеседовали, так как он мог объяснить я на ломаном английском языке, а я немного понимал по-португальски. Он сказал мне, что его имя Хозе Сильвестр и что у него есть участок земли около залива Делагоа. Когда на следующий день он отправился в путь со своим слугой-метисом, он попрощался со мной, сняв шляпу изысканным старомодным жестом.

«До свиданья, сеньор, — сказал он. — Если нам суждено когда-либо встретиться вновь, я буду уже самым богатым человеком на свете и тогда не забуду о вас!»

Это меня немного развеселило, хоть я и был слишком слаб, чтобы смеяться. Я видел, что он направился на запад, к великой пустыне, и подумал — не сумасшедший ли он и что он рассчитывает там найти.

Прошла неделя, и я выздоровел. Однажды вечером я сидел перед маленькой палаткой, которую возил с собой, и глодал последнюю ножку жалкой птицы, купленной мною у туземца за кусок ткани, стоивший двадцать таких птиц. Я смотрел на раскаленное красное солнце, которое тонуло в бескрайней пустыне, и вдруг на склоне холма, находившегося напротив меня на расстоянии около трехсот ярдов, заметил какого-то человека. Судя по одежде, это был европеец. Сначала он полз на четвереньках, затем поднялся и, шатаясь, прошел несколько ярдов. Потом он вновь упал и пополз дальше. Видя, что с незнакомцем произошло что-то неладное, я послал ему на помощь одного из моих охотников. Вскоре его привели, и оказалось, что это — как вы думаете, кто?

— Конечно, Хозе Сильвестр! — воскликнул капитан Гуд.

— Да, Хозе Сильвестр, вернее — его скелет, обтянутый кожей. Его лицо было ярко-желтого цвета от лихорадки, и большие темные глаза, казалось, торчали из черепа — так он был худ. Его кости резко выступали под желтой кожей, похожей на пергамент, волосы были седые.

«Воды, ради бога, воды!» — простонал он; губы его растрескались, и язык распух и почернел.

Я дал ему воды, в которую добавил немного молока, и он выпил не менее двух кварт²³ залпом, огромными глотками. Больше я побоялся ему дать. Затем у него начался приступ лихорадки, он упал и начал бредить о горах Сулеймана, об алмазах и пустыне. Я взял его к себе в палатку и старался облегчить его страдания, насколько это было в моих силах. Многого сделать я, конечно, не мог. Я видел, чем это неизбежно должно кончиться. Около одиннадцати часов он немного успокоился. Я прилег отдохнуть и заснул. На рассвете я проснулся и в полумраке увидел его странную, худую фигуру. Он сидел и пристально смотрел в сторону пустыни. Вдруг первый солнечный луч осветил широкую равнину, расстилавшуюся перед нами, и скользнул по отдаленной вершине одной из самых высоких гор Сулеймана, которая находилась от нас на расстоянии более сотни миль.

«Вот она! — воскликнул умирающий по-португальски, протянув по направлению к вершине свою длинную, тощую руку. — Но мне уже никогда не дойти до нее, никогда! И никто никогда туда не доберется! — Вдруг он замолчал. Казалось, что он что-то обдумывает. — Друг, — сказал он, оборачиваясь ко мне, — вы здесь? У меня темнеет в глазах».

«Да, — ответил я, — я здесь. А теперь лягте и отдохните».

«Я скоро отдохну, — отозвался он. — У меня будет много времени для отдыха — целая вечность. Я умираю! Вы были добры ко мне. Я дам вам один документ. Быть может, вы доберетесь туда, если выдержите путешествие по пустыне, которое погубило и меня и моего бедного слугу».

Затем он пошарил за пазухой и вынул предмет, который я принял за бурский кисет для табака, сделанный из шкуры сабельной антилопы. Он был крепко завязан кожаным ремешком, который мы называем «римпи». Умирающий попытался развязать его, но не смог. Он передал его мне. «Развяжите это», — сказал он. Я повиновался и вынул клочок рваного пожелтевшего полотна, на котором что-то было написано буквами цвета ржавчины. Внутри находилась бумага.

²¹ Крааль — в Южной Африке название особого типа деревень: ульеобразных хижин, окруженных общей изгородью

²² Делагоа — порт и залив, находящийся на юго-восточном побережье Африки

²³ Кварта — 1, 14 литра

Он продолжал говорить очень тихо, так как силы его слабели:

«На бумаге написано то же самое, что и на обрывке материи. Я потратил многие годы, чтобы все это разобрать. Слушайте! Мой предок, политический эмигрант из Лиссабона, был одним из первых португальцев, высадившихся на этих берегах. Он написал этот документ, умирая среди тех гор, на которые ни до этого, ни после не ступала нога белого человека. Его звали Хозе да Сильвестра, и жил он триста лет назад. Раб, который ожидал его по эту сторону гор, нашел его труп и принес записку домой, в Делагоа. С тех пор она хранилась в семье, но никто не пытался ее прочесть, пока наконец мне не удалось это сделать самому. Это стоило мне жизни, но другому может помочь достигнуть успеха и стать самым богатым человеком в мире — да, самым богатым в мире! Только не отдавайте эту бумагу никому, отправляйтесь туда сами!»

Затем он снова начал бредить, и час спустя все было кончено.

Мир его праху! Он умер спокойно, и я похоронил его глубоко и положил большие валуны на могилу, поэтому не думаю, чтобы шакалам удалось вырыть его труп. А потом я оттуда уехал.

— А что же случилось с документом? — спросил сэр Генри, слушавший меня с большим интересом.

— Да, да, что же было написано в этом документе? — добавил капитан Гуд.

— Хорошо, господа, если хотите, я расскажу вам и это. Я еще никому его не показывал, а пьяный старый португальский торговец, который перевел мне этот документ, забыл его содержание на следующее же утро. Подлинный кусок материи у меня дома, в Дурбане, вместе с переводом бедного дона Хозе, но у меня в записной книжке есть английский перевод и копия карты, если это вообще можно назвать картой. Вот она. А теперь слушайте: «Я, Хозе да Сильвестра, умирая от голода в маленькой пещере, где нет снега, на северном склоне вершины ближайшей к югу горы, одной из двух, которые я назвал Грудью Царицы Савской²⁴, пишу это собственной кровью в год 1590-й, обломком кости на клочке моей одежды, Если мой раб найдет эту записку, когда он придет сюда, и принесет ее в Делагоа, пусть мой друг (имя неразборчиво) даст знать королю о том, что здесь написано, чтобы он мог послать сюда армию. Если она преодолет пустыню и горы и сможет победить отважных кукуанов и их дьявольское колдовство, для чего следует взять с собой много священнослужителей, то он станет богатейшим королем со времен Соломона. Я видел собственными глазами несметное число алмазов в сокровищнице Соломона, за Белой Смертью, но из-за вероломства Гагулы, охотницы за колдунами, я ничего не смог унести и едва спас свою жизнь. Пусть тот, кто пойдет туда, следует по пути, указанному на карте, и восходит по снегам, лежащим на левой Грудь Царицы Савской, пока не дойдет до самой ее вершины. На северном ее склоне начинается Великая Дорога, проложенная Соломоном, откуда три дня пути до королевских владений. Пусть он убьет Гагулу. Молитесь о моей душе. Прощайте. Хозе да Сильвестра».

Когда я окончил чтение документа и показал копию карты, начерченной слабеющей рукой старого португальца — его собственной кровью вместо чернил, — наступило глубокое молчание. Мои слушатели были поражены.

— Да, — сказал наконец капитан Гуд, — я дважды объехал вокруг света и был во многих местах, но пусть меня повесят, если мне когда-либо приходилось слышать или читать этакую историю.

— Да, это странная история, мистер Квотермейн, — прибавил в свою очередь сэр Генри. — Надеюсь, вы не подшучиваете над нами? Я знаю, что это иногда считается позволительным по отношению к новичкам.

— Если вы так думаете, сэр Генри, тогда лучше покончим с этим, — сказал я очень раздраженно, кладя бумагу в карман и поднимаясь, чтобы уйти. — Я не люблю, чтобы меня принимали за одного из этих болванов, которые считают остроумным врать и постоянно хвастаются перед приезжими необычайными охотничьими приключениями, которых на самом деле никогда не было.

Сэр Генри успокаивающим жестом положил свою большую руку мне на плечо.

— Сядьте, мистер Квотермейн, — сказал он, — и извините меня. Я прекрасно понимаю, что вы не хотите нас обманывать, но согласитесь, что ваш рассказ был настолько необычен, что нет ничего удивительного, что я мог усомниться в его правдивости.

— Вы увидите подлинную карту и документ, когда мы приедем в Дурбан, — сказал я, несколько успокоившись. Действительно, когда я задумался над своим рассказом, я понял, что сэр Генри совершенно прав. — Но я еще ничего не сказал о вашем брате. Я знал его слугу Джима, который отправился в путешествие вместе с ним. Это был очень умный туземец, родом из Бечуаны, и хороший охотник. Я видел Джима в то утро, когда мистер Невилль готовился к отъезду. Он стоял у моего фургона и резал табак для трубки.

«Джим. — сказал я, — куда это вы отправляетесь? За слонами?»

²⁴ Царица Савская — царица Савы — страны, по предположению, находившейся в Южной Аравии и всегда управлявшейся женщинами; одна из многочисленных возлюбленных царя Соломона

«Нет, баас²⁵, — отвечал он, — мы идем на поиски чего-то более ценного, чем слоновая кость».

«А что же это может быть? — спросил я из любопытства. — Золото?»

«Нет, баас, нечто более ценное, чем золото». — И он усмехнулся.

Я более не задавал вопросов, потому что не желал показаться любопытным и тем самым уронить свое достоинство. Однако его слова сильно меня заинтересовали. Вдруг Джим перестал резать табак.

«Баас», — сказал он. Я сделал вид, что не слышу.

«Баас», — повторил он.

«Да, дружище, в чем дело?» — отозвался я.

«Баас, мы отправляемся за алмазами».

«За алмазами? Послушай, тогда вы совсем не туда едете — вам же нужно ехать в сторону россыпей».

«Баас, ты слышал когда-нибудь о Сулеймановых горах?»

«Да!»

«Ты слышал когда-нибудь, что там есть алмазы?»

«Я слышал какую-то дурацкую болтовню об этом, Джим».

«Это не болтовня, баас. Я когда-то знал женщину, которая пришла оттуда со своим ребенком и добралась до Наталя. Она сама рассказывала мне об этом. Теперь она уже умерла».

«Твой хозяин пойдет на корм хищным птицам, Джим, если он не откажется от намерения добраться до страны Сулеймана. Да и ты тоже, если только они найдут какую-нибудь поживу в твоём никчемном старом скелете», — сказал я.

Он усмехнулся:

«Может быть, баас. Но человек должен умереть. А мне самому хотелось бы попытать счастья в новом месте. К тому же здесь скоро перебьют всех слонов».

«Вот что, дружище! — сказал я. — Подожди-ка, пока «бледнолицый старик»²⁶ не схватит тебя за твою желтую глотку, тогда мы послушаем, какую ты запоешь песенку».

Полчаса спустя я увидел, что фургон Невилля двинулся в путь. Вдруг Джим повернул обратно и подбежал ко мне.

«Послушай, баас, — сказал он, — я не хочу уезжать, не попрощавшись с тобой, потому что, пожалуй, ты прав: мы никогда обратно не вернемся».

«Так твой хозяин действительно собрался в Сулеймановы горы, Джим, или ты лжешь?»

«Нет, — отвечал Джим, — это действительно так. Он сказал, что ему необходимо во что бы то ни стало попытаться составить себе состояние, — так почему бы ему не попытаться разбогатеть на алмазах?»

«Подожди-ка немножко, Джим, — сказал я, — ты возьмешь записку для своего хозяина, но обещай мне отдать ее только тогда, когда вы достигнете Айнайти» (это было на расстоянии около ста миль).

«Хорошо», — ответил он.

Я взял клочок бумаги и написал на нем: «Пусть тот, кто пойдет туда... восходит по снегам, лежащим на левой груди Царицы Савской, пока не дойдет до самой ее вершины. На северном се склоне начинается Великая Дорога, проложенная Соломоном».

«Так вот, Джим, — сказал я, — когда ты отдашь эту записку своему хозяину, скажи ему, что нужно точно придерживаться этого совета. Помни, что ты не должен сейчас отдавать ему эту бумажку, потому что я не хочу, чтобы он повернул обратно и стал задавать мне вопросы, на которые у меня нет желания отвечать. А теперь иди, лентяй, — фургона уже почти совсем не видно».

Джим взял записку и побежал догонять фургон. Вот и все, что мне известно о вашем брате, сэр Генри. Но я очень боюсь, что...

— Мистер Квотермейн, — прервал меня сэр Генри, — я отправляюсь на поиски моего брата. Я пройду по его пути до Сулеймановых гор, а если потребуется, то и дальше. Я буду идти, пока не найду его или не узнаю, что он погиб. Вы пойдете со мной?

Мне кажется, я уже говорил, что я осторожный человек и, кроме того, человек тихий и скромный, и меня ошеломило и испугало это предложение. Мне казалось, что отправиться в подобное путешествие — значит пойти на верную смерть. Кроме того, уж не говоря обо всем прочем, я должен помогать сыну и поэтому не могу позволить себе так скоро умереть.

— Нет, благодарю вас, сэр Генри, я предпочел бы отказаться от вашего предложения, — ответил я. — Я слишком стар для того, чтобы принимать участие в сумасбродных затеях подобного рода, которые несомненно окончатся для нас так же, как для моего бедного друга Сильвестра. У меня есть сын, который

²⁵ Баас — господин

²⁶ Имеется в виду смерть

нуждается в моей поддержке, и я не имею права рисковать своей жизнью.

Сэр Генри и капитан Гуд казались очень разочарованными.

— Мистер Квотермейн, — сказал сэр Генри, — я состоятельный человек и от своего измерения не откажусь. За свои услуги вы можете потребовать любое вознаграждение. Эта сумма будет вам уплачена до нашего отъезда. Одновременно с этим, на случай нашей гибели, я приму меры, чтобы ваш сын был соответствующим образом обеспечен. Из сказанного мною вы поймете, насколько необходимым я считаю ваше участие. Если же нам посчастливится добраться до Сулеймановых копей и найти алмазы, вы поделите их поровну с Гудом. Мне они не нужны. Я сильно сомневаюсь в том, что нам удастся туда добраться, так как надежды на это нет почти никакой. Но я не сомневаюсь в том, что в пути мы сможем добыть слоновую кость, и вы поступите с нею таким же образом. Вы можете поставить мне свои условия, мистер Квотермейн. Кроме того, я, конечно, оплачу все расходы.

— Сэр Генри, — сказал я, — я никогда не получал более щедрого предложения, и бедному охотнику и торговцу следует о нем поразмыслить. Но мне еще не приходилось иметь дело с таким крупным предприятием. Мне нужно время, чтобы все это обдумать. Во всяком случае, я дам вам ответ до нашего прибытия в Дурбан.

— Прекрасно, — ответил сэр Генри.

Затем я пожелал им доброй ночи и ушел к себе. В эту ночь мне снились бедный, давно умерший Сильвестр и алмазы.

Глава III Амбопа поступает к нам в услужение

Чтобы добраться морем от Кейптауна до Дурбана, нужно затратить четыре-пять дней: это зависит от состояния погоды и скорости хода судна. В Ист-Лондоне²⁷ постройка порта еще не закончена, несмотря на то что на него уже ухлопали целую кучу денег. Поэтому, вместо того чтобы причаливать к пристани в прекрасно оборудованном порту, о котором давно прожужжали все уши, пароходы до сих пор бросают якорь далеко от берега. Если море беспокойно, то бывает, что приходится ждать целые сутки, пока наконец от берега смогут отойти буксиры с шлюпками за пассажирами и грузом. Но нам, к счастью, ждать не пришлось. Когда мы подошли к Ист-Лондону, волнение на море было совсем незначительное, и с берега сразу же отчалили буксиры, ведя за собой вереницу безобразных плоскодонных шлюпок. С нашего парохода со всего размаха начали швырять в них тюки с товаром, не обращая внимания на то, что в них находится: шерсть, фарфор — все летело вниз в одну кучу. Стоя на палубе, я видел, как вдребезги разбился ящик с четырьмя дюжинами шампанского и искристое вино брызнуло и запенилось по дну грязной грузовой шлюпки. Ужасно досадно было смотреть, как бессмысленно пропадает столько вина! Это быстро сообразили и находившиеся в лодке грузчики-кафры. Они нашли две случайно уцелевшие бутылки, отбили у них горлышки и выпили все до дна. Шампанское ударило им в голову, и они сразу же опьянели. Этого кафры никак не ожидали: в страшном испуге они начали кататься по дну лодки, крича, что добрый напиток «тагати» — то есть заколдован. Я вступил с ними в разговор и подтвердил, что они выпили самую страшную отраву белого человека и должны умереть. В диком ужасе кафры налегли на весла, и лодка помчалась к берегу. Я уверен, что никогда в жизни они не дотронутся больше до шампанского.

Всю дорогу в Наталь я думал о предложении сэра Куртиса. Первые дня два мы не затрагивали этого вопроса, хотя и были все вместе. Я рассказывал сэру Генри и Гуду о своих охотничьих приключениях, причем ничего не выдумывал и не преувеличивал, как это имеют обыкновение делать охотники. Я считаю, что и не имеет смысла нам, африканским охотникам, привирать и плести небылицы. У нас бывают такие необыкновенные приключения, что и без того есть чем поделиться. Впрочем, это к моему рассказу не относится.

Наконец в один прекрасный январский день — у нас ведь январь самый жаркий месяц — наш пароход стал подходить к Наталю, и мы пошли вдоль его живописных берегов, рассчитывая к закату солнца обогнуть Дурбанский мыс. Этот берег с его красными песчаными холмами и бесконечными просторами ярко-изумрудной зелени, в которой прячутся краали кафров, удивительно красив. Набегающие волны, ударяясь о прибрежные скалы, поднимаются ввысь и, падая, образуют белоснежную полосу пены, которая тянется вдоль всего берега. Но особенно роскошна природа у самого Дурбана. В течение многих веков бурные потоки дождей промыли в холмах глубокие ущелья, по которым текут сверкающие на солнце реки; на фоне густых темно-зеленых зарослей кустарников, растущих так, как насадил их сам господь, время от времени виднеются рощи хлебных деревьев и плантации сахарного тростника. Изредка среди этой пышной

²⁷ Ист-Лондон — порт в Южной Африке, на берегу Индийского океана

зелени вдруг выглядывает белый домик и словно улыбается безмятежно-спокойному морю, придавая особую законченность и домашний уют всей этой великолепной панораме.

Я думаю, как бы прекрасен ни был пейзаж, он непременно требует присутствия человека. Возможно, мне это кажется потому, что уж слишком долго я прожил в диких и безлюдных местах и потому знаю цену цивилизации, хотя она вытесняет и зверя и дичь. Райский сад был, конечно, прекрасен и до появления человека, но я убежден, что он стал еще прекраснее, когда в нем стала гулять Ева.

Но вернусь к рассказу. Мы немного ошиблись в расчете, и солнце давно уже село, когда мы бросили якорь неподалеку от Дурбанского мыса и услышали выстрел, извещающий Добрых жителей Дурбана о прибытии почты из Англии. Ехать на берег было слишком поздно; мы посмотрели, как грузят в спасательную шлюпку почту, и пошли обедать.

Когда мы снова вышли на палубу, луна уже взошла и ярко освещала море и берег. Быстро мелькающие огни маяка казались совсем бледными в ее ослепительном сиянии. С берега доносился пряный, сладкий аромат, который мне всегда напоминает церковные песнопения и миссионеров. Домики на Верейской набережной были ярко освещены. С большого брига, стоявшего рядом с нами, доносились музыка и песни матросов, которые поднимали якорь, готовясь выйти в море. Была тихая, чудная ночь, одна из тех ночей, которые бывают в Южной Африке. Как луна окутывала своим серебристым покровом всю природу, так и эта дивная ночь окутывала покровом мира все живущее на земле. Даже огромный бульдог, принадлежавший одному из наших пассажиров, под влиянием этой торжественной тишины и покоя забыл о своем желании вступить в бой с обезьяной, сидевшей в клетке на полубаке. Он лежал у входа в каюту и сладко храпел: должно быть, ему снилось, что он прикончил обезьяну, и поэтому был наверху блаженства.

Мы трое — то есть сэр Генри Куртис, капитан Гуд и я — пошли и сели у штурвала.

— Ну, мистер Квотермейн, — обратился ко мне сэр Генри после минутного молчания, — обдумали вы мое предложение?

— Да, да! — повторил за ним капитан Гуд. — Что же вы решили? Надеюсь, вы примете участие в нашей экспедиции? Мы были бы счастливы, если бы вы согласились сопровождать нас не только до копей царя Соломона, но и вообще всюду, где мог бы оказаться джентльмен, которого вы знали под фамилией Невилль.

Я молча встал, подошел к борту и стал выколачивать трубку. Я не знал, что ответить, мне нужна была хотя бы еще минута, чтобы прийти к окончательному решению. И в то мгновение, когда горящий пепел блеснул в темноте, это решение было принято — я согласился. Так часто бывает в жизни: вы долго колеблетесь и не знаете, как быть, а в конце концов решаете вопрос в одно мгновение.

— Хорошо, господа, — сказал я, садясь на свое место, — я согласен. С вашего разрешения, я расскажу вам, почему и на каких условиях я принимаю ваше предложение. Начну с условий.

Первое. Помимо того, что вы оплачиваете все расходы, связанные с путешествием, вся слоновая кость и другие ценности, добытые нами в пути, должны быть поровну поделены между капитаном Гудом и мною.

Второе. Кроме того, прежде чем мы тронемся в путь, вы уплачиваете мне за услуги пятьсот фунтов стерлингов. Я же обязуюсь честно служить вам до тех пор, пока вы сами не откажетесь от вашего предприятия, или пока мы не достигнем нашей цели, или не погибнем.

Третье. Прежде чем мы отправимся в Сулеймановы горы, вы должны оформить обязательство, по которому в случае моей гибели или тяжелого увечья вы обязуетесь выплачивать моему сыну Гарри, который изучает медицину в Лондоне, ежегодно сумму в размере двухсот фунтов в течение пяти лет. К этому времени он уже станет на ноги и будет в состоянии зарабатывать на жизнь, если, конечно, вообще из него выйдет толк. Вот и все мои условия. Может быть, вы считаете, что я очень много прошу?

— Нет, нет! — с живостью возразил сэр Генри. — Я с удовольствием принимаю все ваши условия. Я решил во что бы то ни стало отправиться на поиски брата и от своего намерения не отступлюсь. Принимая во внимание ваш опыт и исключительную осведомленность в деле, которое меня интересует, я готов заплатить вам еще больше.

— Тогда жаль, что мне не пришло в голову попросить больше, — сказал я, — но своих слов я никогда обратно не беру. А теперь скажу вам, по каким причинам я решил с вами идти в такой далекий и опасный путь. Прежде всего, господа, должен вам сказать, что все эти дни я присматривался к вам, и не сочтите с моей стороны дерзостью, если скажу, что вы оба мне очень нравитесь. Я уверен, что мы великолепно пойдем в одной упряжке. А когда собираешься в такой длительный путь, это очень важно. Что касается самого путешествия — я имею в виду нашу попытку перейти Сулеймановы горы, скажу вам прямо, господа, что вряд ли мы вернемся оттуда живыми. Какова была судьба старого да Сильвестра триста лет назад? Какая судьба постигла его потомка двадцать лет назад? И какова судьба вашего брата? Скажу вам откровенно, господа, я уверен, что нас ждет та же участь.

Я остановился, чтобы посмотреть, какое впечатление произвели мои слова. Мне показалось, что капитан Гуд был немного встревожен; лицо сэра Генри даже не дрогнуло.

— Мы должны рискнуть, — сказал он своим обычным, спокойным тоном.

— Вам может показаться странным, — продолжал я, — что, предвидя такой конец нашего путешествия, я все же не отказываюсь идти с вами, тем более что человек я робкий. Но на это есть две причины. Во-первых, я фаталист и убежден, что мой смертный час предопределен независимо от моих поступков и желаний. И если мне суждено идти в Сулеймановы горы и там погибнуть, это значит, что так предназначено мне судьбой. Конечно, всемогущий господь знает, что он собирается со мной делать, поэтому мне самому не надо об этом беспокоиться. Во-вторых, я человек бедный. Несмотря на то что я занимаюсь охотой почти сорок лет, я ничего не скопил, так как моих заработков хватает мне только на жизнь. Вы, конечно, знаете, господи, что охота на слонов дело опасное и люди, занимающиеся этим ремеслом, живут в среднем четыре — пять лет. Я же эти установленные сроки превысил почти в семь раз и потому думаю, что час моей смерти не так уж далек. Если я погибну на охоте, то после уплаты моих долгов мой сын Гарри, которому еще надо учиться, чтобы стать на ноги, останется без всяких средств к существованию. Если же я отправлюсь с вами, он будет обеспечен на пять лет. Вот вам вкратце мои соображения.

— Мистер Квотермейн, — сказал сэр Генри, слушавший меня с большим вниманием, — причины, заставляющие вас присоединиться к нашей экспедиции, которая, по вашему мнению, может закончиться столь печально, делает вам честь. Конечно, только время и события покажут, правы вы или нет. Но иду ли я на верную гибель, или нет, я решил довести это дело до конца, каков бы он ни был. Ну, а если уж нам суждено погибнуть, я надеюсь, что перед смертью мы все же сможем немного поохотиться. Как вы думаете. Гуд?

— Разумеется, — подтвердил капитан. — Мы все трое привыкли смотреть опасности в глаза и сумеем постоять за себя. Поэтому отступить не следует. А теперь я предлагаю спуститься в кают-компанию и выпить за счастливый исход нашего путешествия.

На следующий день мы съехали на берег, и я предложил сэру Генри и капитану Гуду поселиться в моем скромном домике на Верейской набережной. В нем только три комнаты и кухня; выстроен он из необожженного кирпича, а крыша покрыта оцинкованным железом. Но зато сад у меня прекрасный. В нем растут самые лучшие сорта японской мушмулы²⁸ и чудные манговые деревья²⁹, от которых — я ожидаю великолепных плодов. Их подарил мне директор Ботанического сада. У меня есть садовник, один из моих бывших охотников, по имени Джек. Когда мы с ним охотились в Стране Сикукунис, буйволица так сильно искалечила ему бедро, что бедный Джек был вынужден навсегда забыть об охоте. Но он может кое-как ковылять и ухаживать за садом. Сам Джек — из миролюбивого племени гриква: зулуса вы никогда не заставите заниматься садоводством — мирные занятия ему не по душе.

Так как в моем домишке было тесно, сэр Генри и Гуд спали в палатке, которую я разбил в апельсиновой аллее в конце сада. Деревья были в цвету, и от них шел приятный аромат, а на ветках ярко выделялись зеленые и золотые плоды (надо сказать, что у нас в Дурбане на деревьях можно видеть и цветы и плоды одновременно). Место наше красивое, и спать на воздухе очень приятно, тем более что у нас в Береа москитов почти нет, если же они иногда и появляются, то только после сильных дождей.

Однако надо продолжать рассказ, иначе он тебе, Гарри, надоест раньше, чем мы доберемся до Сулеймановых гор. Итак, решив отправиться с сэром Генри, я немедленно занялся необходимыми приготовлениями. Прежде всего, мой мальчик, я получил от сэра Генри документ, обеспечивающий твое будущее. Здесь мы столкнулись с некоторыми затруднениями: сэр Генри не был местным жителем, и деньги, которые тебе следовало бы получать в случае моей гибели, находились в Англии. Но в конце концов мы это дело уладили благодаря одному ловкому адвокату, который содрал с нас возмутительную цену — целых двадцать фунтов стерлингов.

Положив чек на пятьсот фунтов в карман и отдав таким образом дань предосторожности, я купил за счет сэра Генри фургон и упряжку превосходных волов. Фургон был длиной в двадцать два фута, на железных осях, очень прочный и легкий, правда не совсем новый. Один раз он уже побывал на Алмазных россыпях, но вернулся оттуда без повреждений. Это еще больше меня убедило в том, что повозка была сделана из сухого, хорошо выдержанного дерева. Если фургон плохо сложен или сделан из сырого материала, это обнаруживается при первой же поездке. Задняя часть нашей повозки на протяжении двенадцати футов была крыта брезентом в виде навеса, передняя же, предназначенная для агажа, была открыта. Такие фургоны у нас называются «полукрытыми». Задняя часть была приспособлена для жилья — в ней находилась постель из шкур, на которой могли спать два человека, полка для оружия и кое-какие необходимые вещи. Я дал за него сто двадцать пять фунтов и считаю, что это было недорого.

²⁸ Мушмула — название двух различных видов древесных (кустарниковых) растений

²⁹ Манговые деревья — род тропических деревьев, дающих плод (манго) величиной с огурец или небольшую дыню

Затем я купил великолепную упряжку из двадцати зулусских быков, которыми любовался уже около двух лет. Обычная упряжка состоит из шестнадцати голов, но на всякий случай я купил еще четыре. Зулусский скот низкорослый и легкий, почти наполовину меньше африкандерского³⁰, который используется для перевозки тяжелых грузов. Эти мелкие животные менее подвержены болезням ног, чем крупные, чрезвычайно неразборчивы в корме и приспособлены к самым тяжелым условиям. Поэтому они выживают там, где африкандерские мрут с голоду. Зулусские быки легче и быстроходнее; с легкой ношей они могут пройти пять миль в день. Кроме того, наши животные были хорошо «просолены» — то есть закалены, так как исходили всю Южную Африку вдоль и поперек. Поэтому наша упряжка была до некоторой степени гарантирована от той страшной формы малярии, которая так часто уничтожает целые стада, когда они попадают в непривычные им вельды³¹. Что касается страшной легочной болезни — то есть чахотки, — которая у нас так часто губит скот, им была сделана прививка. Для этого на хвосте быка, примерно на один фут от основания, делается надрез, к которому привязывается кусочек легкого, взятого у животного, погибшего от этой болезни. Через некоторое время бык заболевает легкой формой чахотки, хвост у него отмирает и отпадает на месте надреза, но зато сам он становится невосприимчив к чахотке. Жестоко, конечно, лишать животное хвоста, особенно в стране, где так много мух, но уж лучше пожертвовать хвостом, чем потерять и хвост и быка. Хвост без быка ни на что не годен, разве только чтобы смахивать им пыль. Но все-таки довольно забавно идти за быками и видеть перед собой двадцать жалких огрызков вместо хвостов. Так и кажется, что природа что-то напутала и вместо хвостов приставила быкам задние украшения целой своры премированных бульдогов.

После того как вопрос с животными был улажен, надо было подумать о провианте и лекарствах. Это требовало самого тщательного обсуждения. Нам нельзя было перегружать фургон и вместе с тем нужно было взять много вещей, необходимых для такого длительного путешествия. К счастью, оказалось, что Гуд кое-что смыслит в медицине. Каким-то образом ему когда-то удалось прослушать курс медицины и хирургии, и время от времени он применял свои познания на практике. У капитана не было, конечно, звания доктора, но впоследствии мы убедились, что он понимает в этом деле больше, чем многие из тех господ, которые получили право писать после своей фамилии звание доктора медицины. У него была отличная походная аптечка и набор хирургических инструментов. Когда мы еще были в Дурбане, он отрезал у какого-то кафра большой палец ноги так ловко, что было просто приятно смотреть. Но капитан был совершенно ошеломлен, когда этот кафр, флегматично следивший за операцией, попросил приставить ему новый палец, говоря, что на худой конец подойдет и белый.

Благополучно уладив дела с провиантом и лекарствами, мы перешли к вопросу об оружии и найме прислуги. Что касается оружия, я лучше приведу список отобранного нами из того богатого запаса, который сэр Генри привез с собой из Англии, и того, что было у меня. Этот список сохранился в моей записной книжке, сейчас мне остается только его переписать:

«Три тяжелых двуствольных ружья, заряжающихся с казны, центрального боя, весом около пятнадцати фунтов каждое, с зарядом в одиннадцать драхм³² черного пороха».

Эти ружья предназначались для охоты на слонов. Два из них — для сэра Генри и капитана Гуда — были изготовлены искуснейшими мастерами одной из знаменитых лондонских фирм. Не знаю, какой фирмы было мое ружье: оно, правда, не было такое красивое, но зато было неоднократно проверено мною в охоте на слонов.

«Три двуствольных ружья системы «экспресс 500», стреляющие разрывными пулями, рассчитанные на заряд в шесть драхм».

Превосходное оружие, в особенности на среднего зверя (как, например, на круторогую, или сабельную, антилопу), и незаменимое для самозащиты от врагов в открытой местности.

«Одно двуствольное киперовское дробовое ружье двенадцатого калибра, центрального боя, с

³⁰ Африкандеры — буры, потомки первых европейских колонистов в Южной Африке

³¹ Вельды — южноафриканская степь

³² Драхма — старинная мера аптекарского веса, равная 3,732 грамма

Впоследствии это ружье оказало нам огромную помощь в обеспечении нас повседневной пищей.

«Три магазинные винтовки системы «винчестер» (не карабины)».

Это было наше запасное оружие.

«Три самовзводных револьвера «кольта» с патронами крупного калибра».

Таково было наше вооружение. Нужно отметить, что оружие каждого класса было одной системы и калибра, и поэтому мы могли обмениваться патронами, что было очень удобно и важно. Я не прошу извинения у читателя за то, что, возможно, утомил его перечислением таких подробностей, так как каждый опытный охотник знает, насколько существенным является выбор оружия для успеха экспедиции.

Теперь перехожу к прислуге, которая должна была нас сопровождать.

После долгих обсуждений мы решили, что вполне достаточно взять с собой пять человек: проводника, кучера и трех слуг. И кучера и проводника я нашел без особого труда. Это были два зулуса, по имени Гоза и Том. Найти же слуг оказалось делом более сложным. Нам нужны были люди храбрые, надежные, на которых мы могли бы полностью положиться, так как от их поведения могла зависеть наша жизнь. Наконец мне удалось найти двух — одного готтентота³⁴ по имени Вентфогель, что значит «птица ветров», и маленького зулуса Хиву, у которого было то достоинство, что он отлично говорил по-английски. Вентфогеля я знал давно. В своей жизни я редко встречал лучшего охотника-следопыта. Он был необычайно вынослив и, казалось, состоял из одних мускулов и сухожилий. Но, к сожалению, у него был один недостаток, присущий его племени: любил выпить. Поэтому полностью на него положиться было нельзя: стоило поставить перед ним бутылку грога — и он забывал все на свете. Но так как мы отправлялись в места, где не было ни трактиров, ни винных лавок, эта маленькая слабость не имела особого значения.

Третьего слугу я никак не мог найти, и мы решили отправиться только с двумя, надеясь, что в пути встретим подходящего человека. Но накануне нашего отъезда, вечером, когда мы обедали, вошел Хива и доложил, что меня хочет видеть какой-то зулус. После того как мы встали из-за стола, я приказал Хиве его ввести. В комнату вошел рослый, красивый человек, лет тридцати, с очень светлой для зулуса кожей. Вместо приветствия он поднял свою узловатую палку и молча уселся на корточках в углу комнаты. В течение некоторого времени я делал вид, что не замечаю его присутствия; с моей стороны было бы большой оплошностью поступить иначе: если вы сразу вступаете в разговор с туземцем, он может подумать, что вы человек ничтожный и лишены чувства собственного достоинства. Однако я успел заметить, что он был «кэшла» — то есть «человек с обручем». В его волосы было вплетено широкое кольцо, сделанное из особого сорта каучука, которое для блеска было натерто жиром. Такие обручи носят зулусы, достигшие известного возраста и имеющие высокое звание. Лицо его показалось мне знакомым.

— Ну, — сказал я наконец, — как тебя зовут?

— Амбопа, — ответил туземец приятным низким голосом.

— Я где-то тебя уже видел.

— Да, инкооэн³⁵, отец мой, ты видел меня в местечке Литтл-Хэнд, в Изандхлуане³⁶, накануне битвы.

Тут я все вспомнил. Во время несчастной войны с зулусами я был одним из проводников лорда Челмсфорда³⁷. К счастью, мне удалось покинуть лагерь с порученными мне фургонами как раз накануне битвы. Пока запрягали волов, я разговорился с этим человеком. Он командовал отрядом туземцев, сражавшихся на нашей стороне. В разговоре он высказал свои сомнения относительно безопасности нашего лагеря. Тогда я ему предложил попридержать язык, так как это было не его ума дело, но впоследствии я не

³³ Чок — сужение канала ствола в дульной части охотничьего ружья

³⁴ Готтентоты — одна из народностей Южной Африки

³⁵ Инкооэн — вождь

³⁶ В Изандхлуане во время войны англичан с зулусами был уничтожен английский отряд в 1400 человек, с шестьюдесятью офицерами (22 января 1879 года).

³⁷ Лорд Челмсфорд — английский генерал, командовавший английскими военными силами в Южной Африке во время войны с зулусами (1879).

раз вспоминал его слова.

— Я помню, — сказал я. — Что же тебе от меня надо?

— Вот что, Макумазан (так зовут меня кафры; в переводе это значит «человек, который встает после полуночи»). А по-нашему это просто-напросто человек, который всегда находится начеку). Я слышал, что ты собираешься в длинный путь далеко на север с белыми вождями, прибывшими из-за великой воды. Правда ли это?

— Да, правда.

— Я слышал, что вы пойдете до самой реки Луганги, которая находится на расстоянии одной луны пути от земли Маника. Это тоже правда, Макумазан?

— Зачем тебе нужно знать, куда мы идем? Какое тебе дело? — ответил я, глядя на него с недоверием, так как цель нашего путешествия мы решили хранить в глубокой тайне.

— О белые люди! — воскликнул туземец. — Если вы действительно отправляетесь так далеко, то я хочу идти вместе с вами!

Меня поразили тон и манера разговаривать этого человека. Он держался с необычайным достоинством, и в нем чувствовалось какое-то внутреннее благородство. Особенно удивили меня его слова: «О белые люди», вместо обычного обращения к белым: «О инкоози» — то есть вожди.

— Ты забываешься! — сказал я резко. — Думай, прежде чем обращаться с разговором к белым людям. Кто ты такой и где твой крааль? Ответь нам, чтобы мы знали, с кем мы имеем дело.

— Мое имя Амбопа. Я принадлежу к зулусскому племени, но на самом деле я не зулус. Жилища моего племени находятся далеко на севере. Мой народ остался там, когда другие зулусы спустились сюда. Это было тысячу лет назад, задолго до царя Чака, который правил Страной Зулусов. У меня нет крааля. Я скитаюсь много лет. Я пришел в Страну Зулусов с севера, когда был ребенком. Затем служил королю Кечвайо³⁸ в Нкомабакозийском полку. Из Страны Зулусов я бежал в Наталь, потому что хотел узнать, как живут белые люди. Потом я воевал против Кечвайо. С тех пор я живу и работаю в Натале. Мне здесь все надоело, я хочу снова идти на север. Здесь мне не место. Денег от вас мне не надо. Я человек храбрый и буду вам полезен. Я отработаю пищу, которую съем, и заслужу место у костра, которое займу. Я сказал.

Я был совершенно озадачен просьбой этого человека. По его непосредственному поведению и разговору было видно, что в основном он говорит правду. Но этот туземец настолько отличался от обыкновенных зулусов и его предложение идти с нами без вознаграждения было настолько странно, что не могло не вызвать у меня подозрения. Не зная, что ему ответить, я перевел сэру Генри и Гуду наш разговор и спросил их совета. Вместо ответа сэр Генри попросил меня передать Амбопе, чтобы он встал. Сбросив с себя длинный военный плащ, зулус выпрямился во весь свой исполинский рост и предстал перед нами совершенно обнаженным, если не считать мучи и ожерелья из львиных костей. Он был великолепен. Я никогда в жизни не видел такого красивого туземца. Роста он был шести футов и трех дюймов, широкоплечий и удивительно пропорционально сложенный. При вечернем освещении кожа его была чуть темнее обычной смуглой, только многочисленные следы от нанесенных ассегаями ран выделялись на его теле темными пятнами. Сэр Генри подошел к нему и пристально посмотрел на его гордое, красивое лицо.

— Какая прекрасная пара! — сказал Гуд, наклоняясь ко мне. — Посмотрите, они совсем одинакового роста.

— Мне нравится ваша внешность, мистер Амбопа, — сказал по-английски сэр Генри, обращаясь к зулусу, — и я беру вас к себе в услужение.

Очевидно. Амбопа понял его, потому что он ответил по-зулусски: «хорошо», и, взглянув на могучую фигуру белого человека, добавил:

— Мы настоящие мужчины — ты и я.

Глава IV Охота на слонов

Я не собираюсь подробно рассказывать обо всех событиях, происшедших в течение нашего продолжительного путешествия до крааля Ситанди, который находится на расстоянии более тысячи миль от Дурбана, у слияния рек Луканга и Калюкве. Последние триста миль или около того нам пришлось пройти пешком, так как часто стали появляться ужасные мухи цеце, укус которых смертелен для всех животных, за исключением ослов.

Мы оставили Дурбан в конце января, и шла уже вторая неделя мая, когда мы расположились лагерем около крааля Ситанди. По пути у нас было много разнообразных приключений но так как подобные

³⁸ Кечвайо — король зулусов, живший во второй половине XIX века

приключения случаются с каждым африканским охотником, то, чтобы не сделать мое повествование слишком скучным, я не буду их излагать здесь, кроме одного, о котором сейчас расскажу подробно.

В Айнайти — конечном торговом пункте Земли Матабеле, которой правит король Лобензула (кстати сказать, ужасный негодяй), — нам пришлось с огромным сожалением распрощаться с нашим удобным фургоном. В нашей великолепной упряжке из двадцати волов, приобретенных нами в Дурбане, осталось только двенадцать. Один погиб от укуса кобры, три пали от истощения и недостатка воды, один заблудился и пропал, а еще три подошли, наевшись ядовитых растений из семейства тюльпановых. От этого же заболели еще пять, но нам удалось их вылечить вливаниями отвара тюльпановых листьев. Это очень сильное противоядие, если ввести его своевременно. Фургон и быков мы поручили непосредственным заботам Гозы и Тома, вполне надежных юношей, попросив почтенного шотландского миссионера, который жил в этих диких местах, присматривать за нашим имуществом. Затем в сопровождении Амбопы, Хивы, Вентфогеля и полудюжины носильщиков-кафров мы отправились пешком на осуществление нашего безумного замысла.

Я помню, что, отправляясь в путь, мы все были несколько молчаливы. Вероятно, каждый из нас думал о том, придется ли ему вновь увидеть этот фургон. Что касается меня — я совершенно на это не рассчитывал. Некоторое время мы шли в молчании. Вдруг Амбопа, который шел впереди, запел зулусскую песню о том, как несколько храбрецов, которым наскучило однообразие повседневной жизни и привычные вещи, отправились в бескрайнюю пустыню, чтобы найти там что-то новое или умереть, и как вдруг — о чудо! — когда они зашли далеко в глубь пустыни, они увидели, что это совсем не пустыня, а красивая местность, где много юных жен и тучного скота, много дичи для охоты и много врагов, которых можно убивать.

Мы все развеселились и сочли это за доброе предзнаменование. Амбопа был веселым малым. Правда, иногда у него бывали периоды мрачного настроения, но в остальное время ему была свойственна удивительная способность поддерживать в людях бодрость, причем он сам никогда не терял чувства собственного достоинства. Все мы очень полюбили его.

Теперь я доставлю себе удовольствие рассказать об одном происшествии, так как я страстно люблю охотничьи рассказы.

На расстоянии двух недель пути от Айнайти нам встретился удивительно красивый уголок. Почва здесь была влажная. В ущельях между высокими холмами рос густой колючий кустарник айдоро (как называют его туземцы), а кое-где — колючий кустарник «wachteen-beche» («подожди-ка немного»). Там также росло очень много прекрасных деревьев мачабель, отягченных освежающими желтыми плодами, внутри которых находятся огромные косточки. Плоды этого дерева представляют собой любимое лакомство слонов, о присутствии которых в этой местности свидетельствовали многочисленные следы их ног, а также и то, что во многих местах деревья были поломаны и даже вырваны с корнем: когда слон ест, он все вокруг разрушает.

Однажды вечером, после длительного дневного перехода, мы вышли на место поразительной красоты. У подножия холма, поросшего кустарником, находилось высохшее русло реки, в котором, однако, встречались небольшие водоемы, наполненные прозрачной, как хрусталь, водой, вокруг которых было много следов копыт диких животных. Перед холмом расстилалась равнина, похожая на парк; на ней группами росли мимозы с плоскими вершинами, а среди них — деревья мачабель с блестящими листьями. Вокруг было огромное молчаливое море кустарника, через которое не пролегал ни единая тропа. Как только мы вышли на дорогу, образованную ложем реки, мы спугнули стадо высоких жираф, которые ускакали, или, вернее, уплыли своей странной поступью, подняв торчком хвосты и отбивая копытами дробь подобно кастаньетам. Когда они были на расстоянии около трехсот ярдов от нас, то есть фактически на дистанции, недостижимой для огнестрельного оружия. Гуд, который шел впереди, не смог противостоять искушению. Он поднял свое ружье, заряженное разрывной пулей крупного калибра, и выстрелил в молодую самку, бежавшую последней. По невероятной случайности пуля попала ей прямо в шею, повредив спинной хребет, и жирафа полетела кувырк, через голову, как кролик. Мне никогда не приходилось видеть более удивительного зрелища.

— Черт бы ее побрал! — сказал Гуд. (К моему сожалению, когда он волновался, у него была привычка употреблять сильные выражения, приобретенные несомненно во время его морской карьеры.) — Черт бы ее побрал! Ведь я ее убил!

— Ou, Bugwan!! (Да, Бугван!) — воскликнули наши носильщики-кафры. — Ou, Ou! (Да, да!)

Они называли Гуда «Бугван» («стеклянный глаз») из-за его моногля.

— Да, Бугван! — отозвались, как эхо, мы с сэром Генри.

И с этого дня за Гудом укоренилась, по крайней мере среди кафров, репутация отличного стрелка. В действительности он был плохим стрелком, но всякий раз при его очередном промахе мы не придавали этому никакого значения, вспоминая его знаменитый выстрел.

Приказав нескольким из наших слуг вырезать лучшие куски мяса жирафы, мы принялись строить ограду, или шерму, на расстоянии около ста ярдов вправо от одного из водоемов. Делается это так. Срезают большое количество ветвей колючего кустарника и укладывают их в форме круглой изгороди. Пространство, находящееся внутри изгороди, выравнивают, и в центре сооружают постель из сухой травы тамбуки, если

она, конечно, поблизости имеется, и зажигают один или несколько костров.

К тому времени, как шерма была окончена, уже всходила луна, и наш обед, состоявший из бифштексов мяса жирафы и жареных мозговых костей, был готов. С каким наслаждением мы угощались этими мозговыми костями, хоть их и трудно было расколоть!

Я не знаю лучшего лакомства, чем мозг жирафы — конечно, кроме слоновое сердца, которым мы полакомились на следующий день.

При свете полной луны мы сидели за своей скромной трапезой, по временам прерывая ее, чтобы вновь поблагодарить Гуда за его замечательный выстрел. Затем мы закурили трубки и начали рассказывать разные истории. Вероятно, мы, сидя на корточках вокруг костра, представляли собой очень любопытное зрелище.

Особенно резко бросался в глаза контраст между мною и сэром Генри. Я худ, небольшого роста, кожа у меня темная, седые волосы торчат, как щетка, и вешу я всего шестьдесят килограммов, а сэр Генри высокого роста, широкоплечий, белокурый и весит около девяноста пяти. Но, принимая во внимание все обстоятельства, вероятно, удивительнее всех троих выглядел капитан Джон Гуд, отставной офицер Королевского флота. Он сидел на кожаном мешке, и казалось, будто он только что вернулся после приятно проведенного дня на охоте в цивилизованной стране, — совершенно чистый, аккуратный и хорошо одетый. На нем был охотничий костюм из коричневого твида³⁹, шляпа такого же цвета и элегантные гетры. Вообще говоря, мне никогда не приходилось видеть в дикой африканской пустыне такого великолепно выбритого, безукоризненно изящного и опрятного джентльмена. Его фальшивые зубы были в полном порядке, а в правом глазу, как обычно, красовался монокль. Он даже не забыл надеть воротничок из белой гуттаперчи, которых у него был изрядный запас.

— Видите ли, они весят так мало, — сказал он мне простодушно, когда я выразил свое изумление по этому поводу. — А я люблю всегда выглядеть джентльменом.

Вот так мы и сидели, разговаривая при волшебном свете луны, наблюдая, как кафры на расстоянии нескольких ярдов посасывают свои трубки с мундштуком из рога южноафриканской антилопы, наполненные опьяняющей даккой. Наконец они один за другим заснули у костра, завернувшись в свои одеяла, то есть все, за исключением Амбопы, который сидел в стороне. (Я заметил, что он всегда мало общался с кафрами.) Он сидел, подперев голову руками, глубоко задумавшись.

Вдруг из чащи кустарника позади нас раздалось громкое рычанье.

— Это лев, — сказал я.

Все мы вскочили и прислушались.

Сейчас же с водоема, находившегося на расстоянии около ста ярдов, донесся оглушительный рев слона.

— *Unkungunklovo Indlovu!* (Слон! Слон!) — зашептали кафры.

И несколько минут спустя мы увидели процессию огромных туманных фигур, медленно движущуюся по направлению к зарослям кустарника. Гуд вскочил, полный жажды убийства, по-видимому считая, что убить слона так же легко, как жирафу, с которой ему так повезло, но я схватил его за руку и заставил сесть.

— Ни в коем случае, — сказал я, — пусть они пройдут.

— Оказывается, тут настоящий рай для охотника! Я предложил бы здесь остановиться на денек-другой и поохотиться, — вдруг сказал сэр Генри.

Я был несколько удивлен этим, так как до сих пор сэр Генри всегда был за то, чтобы двигаться вперед как можно скорее, в особенности когда мы удостоверились в Айнайи, что около двух лет назад англичанин, по фамилии Невилль, действительно продал там свой фургон и ушел в глубь страны. Полагаю, что инстинкт охотника взял в этом случае верх.

Гуд с радостью ухватился за эту мысль, потому что мечтал поохотиться на слонов. О том же, правду сказать, мечтал и я, так как не мог примириться с мыслью, что мы дадим спокойно уйти целому стаду слонов и не воспользуемся таким удобным случаем, чтобы поохотиться.

— Ну что ж, друзья мои, — сказал я, — думаю, что нам не мешало бы немного поразвлечься. А теперь ляжем спать, так как нам надо встать до восхода солнца. Тогда, может быть, нам удастся захватить стадо, когда оно будет пастись, перед тем как двинуться дальше.

Все согласились с моим предложением, и мы начали готовиться ко сну. Гуд снял свою одежду, почистил ее, спрятал монокль и искусственные зубы в карман брюк и, аккуратно свернув свои вещи, положил там, где их не могла намочить утренняя роса, прикрыв углом своей простыни из прорезиненной материи. Мы с сэром Генри довольствовались более скромными приготовлениями и вскоре улеглись, укрывшись одеялами, и погрузились в глубокий сон без сновидений, который вознаграждает путешественника.

И во сне нам казалось, что мы идем, идем, идем... Но что это такое?

Внезапно оттуда, где была вода, донесся шум отчаянной схватки, а в следующее мгновение послышался

³⁹ Твид — шерстяная материя особой выделки

ужаснейший рев. Было совершенно ясно, что это мог быть только лев. Мы все вскочили, смотря туда, откуда доносился шум, и увидели беспорядочную массу желто-черного цвета, которая металась в смертельной борьбе, приближаясь к нам. Мы схватили свои ружья и, на ходу надев вельдскуны⁴⁰, выбежали из ограды шермы. К этому времени дерущиеся животные упали и некоторое время катались клубком по траве. Когда мы до них добежали, драка уже прекратилась, и они затихли.

Вот что мы увидели: на траве лежал мертвый самец сабельной антилопы — самой красивой из африканских антилоп. Великолепный лев с черной гривой, пронзенный огромными изогнутыми рогами антилопы, был также мертв. Очевидно, произошло следующее. Антилопа пришла напиться к водоему, где залег в ожидании добычи лев, несомненно тот, чей рев мы слышали накануне. Когда антилопа пила, лев прыгнул на нее, но попал прямо на острые, изогнутые рога, которые пробили его насквозь. Однажды в прошлом я уже видел подобную сцену. Лев, который никак не мог освободиться, рвал и кусал спину и шею антилопы, а та, доведенная до безумия страхом и болью, неслась вперед, пока не упала мертвой.

Закончив детальный осмотр животных, мы позвали наших слуг и носильщиков-кафров и общими усилиями перетащили их туши к ограде. Затем мы вошли в шерму, легли и более не просыпались до восхода солнца.

С первыми его лучами мы встали и начали готовиться к охоте. Мы взяли с собой три ружья крупного калибра, большое количество патронов и свои объемистые фляги, наполненные холодным слабым чаем, который я всегда считал лучшим напитком на охоте. Поспешно позавтракав, мы двинулись в путь — за нами следовали Амбопа, Хива и Вентфогель. Носильщиков-кафров мы оставили в лагере, приказав им снять шкуры со льва и сабельной антилопы и разрубить последнюю на куски.

Мы легко нашли широкую слоновью тропу. Осмотрев ее, Вентфогель сказал, что она проложена двадцатью-тридцатью слонами, причем большая их часть — взрослые самцы.

В течение ночи стадо успело уйти на некоторое расстояние, и только часов в девять утра, когда жара становилась уже нестерпимой, мы увидели по поломанным деревьям, сорванным листьям и коре, а также по дымящемуся помету, что слоны безусловно находятся где-то поблизости.

Внезапно мы заметили стадо, насчитывающее, как и говорил Вентфогель, двадцать-тридцать слонов. Закончив свой утренний завтрак, они стояли в ложине, хлопая огромными ушами. Это было великолепное зрелище.

Слоны находились на расстоянии примерно двухсот ярдов от нас. Взяв пригоршню сухой травы, я подбросил ее в воздух, чтобы установить направление ветра, потому что знал, что если они нас почуют, то скроются из виду до того, как мы успеем выстрелить.

Удостоверившись, что ветер дует в нашем направлении, мы стали осторожно ползти вперед, и благодаря тому, что нас скрывала высокая трава, нам удалось приблизиться к огромным животным на расстояние примерно в сорок ярдов. Как раз перед нами, повернувшись боком, стояли три великолепных самца; у одного из них были огромные бивни. Я шепнул своим спутникам, что буду целиться в среднего; сэра Генри прицелился в стоявшего слева, а Гуд — в самца с большими бивнями.

— Пора, — прошептал я.

Бум! Бум! Бум! — выстрелили три крупнокалиберные винтовки, и слон сэра Генри упал замертво. Выстрел попал ему прямо в сердце. Мой слон упал на колени, и мне показалось, что он смертельно ранен, но через мгновение он встал на ноги и бросился бежать, чуть не задев при этом меня. В этот момент я разрядил второй ствол прямо ему в ребра, и на этот раз он свалился уже всерьез. Быстро вложив два новых патрона, я подбежал к нему вплотную и третьим выстрелом, в мозг, прекратил страдания бедного животного. Затем я обернулся, чтобы посмотреть, как Гуд справляется с большим самцом, который ревел от ярости и боли, когда я приканчивал своего. Добежав до капитана, я нашел его в состоянии величайшего волнения. Оказалось, что, раненный первым выстрелом, слон повернулся и устремился прямо на своего обидчика, причем Гуд едва успел увернуться. Затем слон бросился бежать, не разбирая дороги, напрямик к нашему лагерю. Стадо в панике понеслось в противоположном направлении.

Мы посоветовались, идти ли нам за раненым самцом, или преследовать стадо, и наконец решили идти за стадом. Мы отправились, думая, что более никогда не увидим этих огромных бивней. С тех пор я часто думал, что так было бы лучше. Следовать за слонами было нетрудно, так как они оставляли за собой тропу примерно в ширину проезжей дороги, причем в своем паническом бегстве ломали густой кустарник, словно это была трава тамбуки.

Однако приблизиться к слонам было не так просто, и мы тащились уже более двух часов под палящими лучами солнца, когда наконец увидели их опять. За исключением одного самца, все они стояли, сбившись в кучу, и по их беспокойным движениям и по тому, как они подымали хоботы, обнюхивая воздух, я понял, что

⁴⁰ Вельдскуны — башмаки из сыромятной кожи